
ԳՐԱԿԱՆԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ

НИЦШЕАНСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ К.БАЛЬМОНТА

АШХЕН АТАНЕСЯН, ЮЛИЯ ХОДЖОЯН

В русской действительности идеи Ф.Ницше, как известно, нашли самый разный отклик и художественное воплощение в творчестве многих русских поэтов конца 19-го - начала 20-го века. Они отвергались Л.Толстым, иронически интерпретировались В.Соловьевым (статья "Словесность или истина?")¹, но неизменно вызывали живейший интерес. В статье "Ницше и Дионис" Вяч. Иванов отмечает: "Ницше возвратил миру Диониса. В этом было его посланничество и пророческое безумие"². Поэт образно передал свои впечатления от произведений великого философа: "Зазеленели луга под весенним влиянием бога, сердца разгорелись, напряглись мышцы высокой воли. Значительным и вещим стал миг мимолетный, и каждое дыхание улегченным и полным, и усиленным каждое биение сердца. Ярче, глубже, изобильнее, проникновеннее глянула в душу жизнь... Мы почувствовали себя и нашу землю и наше солнце восхищенными вихрем мировой пляски..."³ Он же (Иванов) так определил сущность учения Ницше: "Есть гении пафоса, как есть гении добра. Не открывая ничего существенно нового, они заставляют ощутить мир по-новому. К ним принадлежит Ницше"⁴. Об этой же особенности произведений Ницше, но уже иронично, пишет В.Соловьев. Он упрекает философа в пафосности и филологичности. "Не найдя никакой религиозной действительности ни в себе, ни сверх себя, базельский профессор сочинил словесную фигуру, наз-

¹ См. **Фр. Ницше и русская религиозная философия**. Переводы, исследования, эссе философов "серебряного века". В 2-х томах. Под редакцией И.Т. Войцкой. Т. 1. Минск. 1996.

² **Вяч. Иванов**. "Ницше и Дионис" в кн.: Фр. Ницше и русская религиозная философия. Т. 1. Минск. 1996, с. 24.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 25.

вал ее Заратустрой и возвестил людям конца века: вот настоящий человек". Замечая, что истинный сверхчеловек (он имеет в виду Христа) носил имя обычное в своей стране, Соловьев заключает: "Заратустра имя недурное, конечно, для нового сверхчеловека: один только у него недостаток, что вместо всех сил небесных, земных и преисподних перед этим именем трепещут и преклоняют колена только психопатические декаденты и декадентки в Германии и России"⁵.

Одним из самых известных декадентов в России был К. Бальмонт. Из всех русских поэтов-модернистов, возможно, именно он наиболее близок Ницше и по мироощущению, и по духу творчества. Возникают некоторые параллели, переклички в судьбах, в восприятии их творчества. Поэзия Бальмонта до сих пор все же не имеет однозначной оценки в критике, в разные времена его упрекали в эстетничаньи, кривляньи, позже говорили о преднамеренном исполнении роли исключительной личности, стихийного гения. Его тоже можно назвать гением пафоса, его стихи тоже дарили новые, непривычные для русской поэзии ощущения, впечатления, подобные тем, что отмечены Вяч.Ивановым от чтения Ницше – значительным и вещим стал миг мимолетный. В.Брюсов говорил: "Многое, очень многое мне стало понятно, мне открылось только через Бальмонта. Он научил меня понимать других поэтов, научил настоящему любить жизнь... Я был одним до встречи с Бальмонтом и стал другим после знакомства с ним".⁶

В статье "Бальмонт-лирик" И.Ф. Анненский отмечал, что нельзя ограничивать свободно-чувствующее и точно отражающее "я" Бальмонта каким-нибудь определенным мирозерцанием. "В поэзии Бальмонта есть все, что хотите: и русское предание, и Бодлер, и китайское богословие, и фламандский пейзаж в роденбаховском освещении, и Рибейра, и Упанишады, и Агураматза, и шотландская сага, и народная психология, и Ницше, и ницшеанство. И при этом поэт всегда целостно живет в том, что он пишет, во что в настоящую минуту влюблен его стих, ничему одинаково не верный. Поэзия Бальмонта искренна и серьезна, и тем самым в ней должно быть отрицание не только

⁵ **Вл. Соловьев.** "Словесность или истина?" в кн.: Фр. Ницше и русская религиозная философия. Т. 1. Минск. 1996, с. 18.

⁶ Цит. по статье **Д. Макогоненко** "К.Д. Бальмонт: жизнь и судьба" в кн.: **Константин Бальмонт.** "Избранное". М., 1991, с. 11-12.

всякой философической надуманности, но и вообще всякой доктрины, которая в поэзии может быть только педантизмом".⁷

Упоение бытием, миром во всей его полноте, призыв к наслаждению жизнью, каждым ее мигом, стремление, а главное, способность увидеть в каждой мимолетности мира – основы стихийно-пантеистического мироощущения поэта. Ощущение мига, столь значимое в поэзии Бальмонта, созвучно его трактовке у Ницше: "Жизнь состоит из редких единичных мгновений высочайшего значения и из бесчисленно многих интервалов, в которых в лучшем случае нас окружают лишь бледные тени этих мгновений, Любовь, весна, каждая прекрасная мелодия, горы, луна, море – все это лишь однажды внятно говорит сердцу – если вообще когда-либо внятно говорит. Ибо многие люди совсем не имеют этих мгновений и суть сами интервалы и паузы в симфонии подлинной жизни".⁸

Высшее действие аполлонической культуры в искусстве Ницше видит в разрушении царства титанов, поражении насмерть чудовищ и при посредстве могущественных фантазмагорий и радостных иллюзий одерживании победы над ужасающей глубиной миропонимания и болезненной склонности к страданию. Созвучно мировосприятию поэта и суждение философа о мире олимпийском, где "ничто не напоминает об аскезе, духовности и долге: здесь все говорит нам о роскошном, даже торжествующем существовании, в котором все наличное обожествляется, безотносительно к тому добро оно или зло".⁹

Аполлоническими, солнечными нотами пронизан знаменитый сборник Бальмонта "Будем как солнце". Подлинной ценностью для поэта была жизнь во всех ее проявлениях, жизнь, обусловленная природой, космосом, вечностью. Один из центральных образов в творчестве поэта – образ Солнца. Великое светило воспето поэтом в его знаменитой книге символов – сборнике "Будем как солнце". Сам себя он ощущал солнечным поэтом и остался верен этому образу на протяжении всей своей творческой жизни, но он никогда не был поэтом однозначных восприятий. Поклоняясь солнцу, слагая ему гимны, поэт в то же время пишет стихотворение "Отречение", где за прославлением

⁷ И. Анненский. Стихотворения. М., 1987, с. 217-218.

⁸ Ф. Ницше. Соч. в 2-х тт. Т. 1, М., 1990, с. 469.

⁹ Там же, с. 66.

жизни, любви, женской красоты и мужского интеллекта следует неожиданно диссонансная концовка с проклятиями:

И так как жизнь не понял ни один,
И так как смысла я ее не знаю, –
Всю смену дней, всю красочность картин,
Всю роскошь солнц и лун – я проклиная!¹⁰

У образа Луны в поэзии Бальмонта не менее значимое место. О "мертвом, прекрасном светиле" поэт неизменно говорит с нежностью. Предпочтения лунного света, лунарности у поэтов зачастую объясняются выраженным пессимистическим мировосприятием.

Считается, что ницшеанство постепенно изживается Бальмонтом и в поздний период его творчества аполлонические ноты сменяются дионисийскими, трагическими, лунными. Однако образ луны в творчестве Бальмонта, возможно, не стоит связывать с дионисийскими мотивами. Луна и солнце для поэта – светила равноправные, они не находятся в оппозиции. В стихотворении "Лунная соната" он пишет:

Моя душа озарена
И солнцем, и Луной.
Но днем в ней дышит тишина,
А ночью рдеет зной. (222)

Светила как будто меняются местами – солнце холодит, а во тьме, подобно солнцу, горит страсть.

Луна – символ идеального мира, мира мечты, красоты, творчества. Она несет в себе тайну, и хотя поэт называет ее красавицей тоски беспеременной, верховной владычицей печали, она для него является символом жизни и надежды:

Своим ущербом, смертью двухнедельной,
И новым полновластным воссияньем,
Она твердит о грусти не бесцельной,
О том, что свет нас ждет за умираньем. (97)

Этика Ницше – это этика индивидуализма, она выделяет в человеческой нравственности только исключительные свойства. Лирический герой Бальмон-

¹⁰ **Константин Бальмонт.** Избранное. М., 1991, с. 236. В дальнейшем стихи цитируются по данному изданию с указанием в скобках страницы.

та также исповедует крайний индивидуализм, отвергает все законы и предписания, равнодушен к традициям, для него несущественны категории добра и зла:

Все равно мне человек плох или хорош,
Все равно мне говорит правду или ложь. (154)

Подобно Ницше, Бальмонта считали аморалистом. В нем ярко выражено тяготение к независимости суждений, оригинальности мысли. Для Ницше умение сохранить себя – это высшая проба независимости.¹¹ Бальмонту созвучны и представления Ницше о том, что в искусстве все обожествляется без оглядки на моральные и нравственные ценности. Для Бальмонта подлинной ценностью была жизнь во всех ее проявлениях, а деление ее на добро и зло – искусственно. Не декадентскую эстетизацию уродства, а именно отказ от каких-либо моральных осмыслений, неукоснительное принятие и приветствие жизни во всех ее проявлениях подтверждают строки сонета "Проклятие глуposti":

Увечье, помешательство, чахотка,
Падучая и бездна всяких зол,
Как части мира, я терплю вас кротко,
И даже в вас я таинство нашел.

Для тех, кто любит чудищ, – все находка,
Иной среди зверей всю жизнь провел,
И как для закоснелых пьяниц – водка,
В гармонии мне дорог произвол. (66)

Более откровенно эта позиция выражена в сонете "Уроды", в котором поэт признается в любви ко всякого рода физическому и духовному уродству, утверждая и их право не только на существование, но и на счастье в этом мире. Обращаясь к ним, он пишет:

О, есть же и для вас в молитве череда!
Во имя Господа, блаженного всегда,
Благословляю вас, да будет счастье с вами! (67)

В самой человеческой судьбе изначально заложен диссонанс. Такое состояние Ницше обозначил термином "вочеловечение диссонанса". В стихот-

¹¹ См. **Ф. Ницше**. Соч. в 2-х тт. Т. 1, М., 1990, с. 67.

ворении "Слово завета", отмечая беспримерную тревожность человеческого существования, изменчивость, неверность его сущности, невозможность получить ответы на возникающие вопросы, Бальмонт дает человеку такой завет:

О, человек, спроси зверей
О цели странствия земного!
Ты каждый день убийцей был
Своих же собственных мечтаний.
Ты дух из тысячи могил, –
Живи, как зверь, без колебаний! (28-29)

Самого себя поэт видит частицей космоса. Уже в раннем стихотворении "Я мечтою ловил уходящие тени" он описал некий процесс восхождения в надземные сферы. Герой восходит на башню по дрожащим ступеням, но это действие переводится в космический план, поэт возвышается над землей, становится надмирным, бросает оттуда взгляд вниз и оказывается вдвоем с Солнцем: "И внизу подо мною уж ночь наступила, Уже ночь наступила для уснувшей Земли, Для меня же блистало дневное Светило, Огневое светило догорало вдали".¹²

То же мы видим и в стихотворении "Оттуда", где лирический герой – представитель небывалой страны, а свет, излучаемый им, может трактоваться как символ тайных знаний и возможностей, то есть лирический герой видится сверхчеловеком, обладателем сокровенных знаний о мощи.

Он не противопоставляется обществу, поскольку сильно отдален не только от него, его законов и морали, но и от человеческой сущности, его облика и мыслей. Он – это само истинное бытие, неподвластное человеческому пониманию. Наиболее полно эта позиция поэта раскрыта в стихотворении "Далеким близким", обращенном к кругу, близкому Д.Мережковскому и З.Гиппиус:

Мне чужды ваши рассуждения:
"Христос", "Антихрист", "Дьявол", "Бог".
Я нежный иней охлаждения,
Я ветерка чуть слышный вздох.

¹² К. Бальмонт. Словечные песни. Ярославль, 1990, с.17.

Вы так жестоки – помышлением,
Вы так свирепы – на словах,
Я должен быть стихийным гением,
Я весь в себе – восторг и страх.

Вы разливаете, сливаете,
Не доходя до бытия.
Но никогда вы не узнаете,
Как безраздельно целен я. (241)

Здесь нет противоречия – в подробности, детальности, разнородности воплощений лирического героя (он – природное явление, результат этих явлений, функция этих явлений) поэту видится высшее, безраздельно цельное бытие.

О Ницше Бальмонт несколько раз писал в своих статьях, называя его самым блестящим поэтом-философом 19-го столетия, жутким и зорким буре-вестником.

Сравнивая его с другим гением эпохи в статье "Поэзия Оскара Уайльда", Бальмонт отмечает: "Оскар Уайльд – самый выдающийся английский писатель конца прошлого века, он создал целый ряд блестящих произведений, полных новизны, а в смысле интересности и оригинальности личности он не может быть поставлен в уровень ни с кем, кроме Ницше. Только Ницше обозначает своей личностью полную безудержность литературного творчества в соединении с аскетизмом личного поведения, а безумный Оскар Уайльд воздушно-целомудрен в своем художественном творчестве, но в личном поведении был настолько далек от общепризнанных правил, ... что попал в каторжную тюрьму, где провел два года. Как это определительно для нашей спутанной эпохи, ищущей и не находящей, что два гения двух великих стран в своих алканьях и хотеньях дошли – один до сумасшествия, другой до каторги!"¹³

О великом философе К.Бальмонт упоминает и в статье "Элементарные слова о символической поэзии": "Философ декадентства – Фридрих Ницше, погибший Икар, сумевший сделать себя крылатым, но не сумевший дать

¹³ К. Бальмонт. Избранное. М., 1991, с. 548.

своим крыльям силу вынести жгучесть палящего всевидящего солнца".¹⁴ В статье о Достоевском поэт не менее образно отмечал: "Ходивший по умственным острям и в значительной степени вышедший в своей философии Заратустры из Достоевского, Ницше неизбежно оборвался в пропасть и впал в роковое безумие, потому что он поднял змею выше своих глаз".¹⁵

То же роковое безумие не обошло и Бальмонта - на склоне лет обнаружили признаки душевной болезни. И как созвучны слова поэта о Ницше тому, что сказала о Бальмонте Марина Цветаева, которая считала, что Бальмонт вызвал демона поэзии, но с ним не совладал.¹⁶

РЕЗЮМЕ

В статье рассмотрены некоторые мотивы, темы и образы, сближающие творчество и мировосприятие Ф. Ницше и К. Бальмонта. В их числе – ощущение мига, столь значимое в поэзии Бальмонта, аполлонические мотивы в его сборнике «Будем как солнце», образы Солнца и Луны. Авторы статьи уделяют внимание также образу лирического героя в поэзии Бальмонта, которому созвучны этические представления Ницше.

Ключевые слова – учение Ницше, поэзия Бальмонта, космос, образ солнца, образ луны.

ՆԻՑՇԵԻ ՄՈՏԻՎՆԵՐԸ Կ. ԲԱԼՄՈՆՏԻ ՊՈԵԶԻԱՅՈՒՄ

ԱՇԽԵՆ ԱԹԱՆԵՍՅԱՆ, ՅՈՒԼԻԱ ԽՈԺՅՈՅԱՆ

Հոդվածում քննարկվել են որոշ մոտիվներ, թեմաներ և կերպարներ, որոնք մոտեցնում են Ֆ.Նիցշեի և Կ.Բալմոնտի ստեղծագործություններն ու աշխարհընկալումը: Դրանց թվում՝ ակնթարթի ընկալումը, այդքան նշանակալի Բալմոնտի պոեզիայում, «Կլինենք, ինչպես արևը» հավաքածուում ապոլոնիական մոտիվները, Արևի և Լուսնի կերպարները: Հոդվածի հեղինակներն ուշադրություն են դարձնում նաև Բալմոնտի պոեզիայում քնարական հերոսի կերպարին, որին համահունչ են Նիցշեի բարոյագիտական պատկերացումները:

¹⁴ Կ. Բալմոնտ. Տոհմային և անհատական. Երևան, 1990, թ. 266.

¹⁵ Կ. Բալմոնտ. Գեղեցիկ տուն. Մ., 1992, թ. 237.

¹⁶ Տե՛ս. Մ. Ծեղաբա. Փակված դուռ. Մ., 2004, թ. 104.

Բանալի բաներ - Նիցշեի ուսմունքը, Բալմոնտի պոեզիան, տիեզերք, Արևի կերպարը, Լուսնի կերպարը:

NIETZSCHEAN MOTIFS IN THE POETRY OF K. BALMONT

ASHKHEN ATANESYAN, YULIA KHOJOYAN

In the article are discussed some of the motifs, themes and characters, bringing together creativity and perception of the world of F. Nietzsche and K. Balmont. Among them - a sense of moment, so significant in poetry of Balmont, Apollonian motives in his book "We'll be like the sun", images of the Sun and the Moon. The authors of the article also pay attention to the image of lyrical hero in the poetry of Balmont, which are consonant with ethical ideas of Nietzsche.

Key words – doctrine of Nietzsche, poetry of Balmont, space, image of the sun, image of the moon.